The Image of the Elite in Theophanes the Confessor's "Chronography"

Paul L. Karabushenko

Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia. Email: pavel_karabushenko[at]mail.ru
ORCID: 0000-0003-2776-4089

Abstract

Theophanes the Confessor lived during one of the most dramatic periods in the history of the Byzantine Empire – the Iconoclastic Period (730 – 787 and 814 – 842). During this time, the empire was shaken by both internal strife and the onslaught of the young Arab Caliphate. But it remained victorious and repulsed all external threats. The monk Theophanes entered world history not only as a church leader (abbot), but also as the most important historian of his time. His "Chronography" contains a wealth of invaluable information about events he personally witnessed. His portrayal of the Byzantine political and religious elite is realistic, yet not without a touch of a specific "ideological position". He lived during the iconoclastic period and very thoroughly expounded on the essence of this era. As a representative of clericalism, he sees all political events as manifestations of forces of a higher religious order. It is precisely a person's religious virtues (or shortcomings, vices) that determine their place in history. Political greatness cannot exist without religious purity. A great ruler is great not only in his political (earthly) deeds, but also in his moral qualities.

Keywords

History; "Chronography"; Byzantium; Elite; Power; Iconoclasm; Carnivalesque Political Culture; Outstanding Historical Figure

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Образ элиты в труде Феофана Исповедника «Хронография»

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия.
Email: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Время жизни Феофана Исповедника приходится на одно из самых драматических периодов истории Византийской империи – иконоборческое время (730 – 787 и 814 – 842 гг.). В это время империя сотрясалась как от этого внутреннего раздора, так и от натиска молодого арабского халифата. Но выстояла и дала всем внешним угрозам достойный отпор. В мировую историю монах Феофан вошел не только как церковный руководитель (игумен), но и как самый крупный историк своего времени. Его «Хронография» содержит целый ряд фактов ценнейшей информации о событиях, очевидцем которых он сам был. Изображение им политической и религиозной элиты Византии носит реалистический характер, не лишенный, однако, налета конкретной «идеологической позиции». Он жил в эпоху иконоборчества и весьма основательно изложил суть этого времени. Как представитель клерикализма он видит во всех политических событиях проявление сил высшего религиозного порядка. Именно религиозные достоинства (или недостатки, пороки) человека определяют его местоположение в истории. Политического величия без религиозной чистоты не бывает. Великий правитель велик не только в своих политических (земных) делах, но и в своих нравственных качествах.

Ключевые слова

история; «Хронография»; Византия; элита; власть; иконоборчество; карнавальная политическая культура; выдающаяся историческая личность

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Биография византийского монаха-летописца Феофана Исповедника или Феофана Сигрианского (ок.760 – 818) известна нам по работе «Жития святого Феофана Исповедника», написанной Константинопольским патриархом (843 – 847) Мефодием I Исповедником (ок.788 – 847), а также из его собственного произведения «Хронография». Из «Жития Феофана» известно, что он принадлежал к высшей знати империи. Его отец был родственником византийского императора Льва IIIИсавра (717 – 741), но скончался через три года после рождения Феофана, оставив свою семью на попечение самого императора. Феофан вырос при царском дворе и стал сановником императора Льва IV Хазара (775 – 780). Вступив по положению в брак, Феофан договорился с невестой сохранять целомудрие, ибо давно решил принять иноческий образ. Приняв монашество, он быстро сделал церковную карьеру, став игуменом основанного им монастыря на побережье Мраморного моря в Сигрианской области в месте, называемом «Великое Село» (или – «Великое Поле»). В 818 г. уже тяжело больного Феофана император Лев V Армянин (813 – 820) заточил в тюрьму, за то, что он отказался поддержать начатую им «новую волну» иконоборчества. Из этого заточения Феофан уже не вышел…

«Свет» и «Тени» политической истории Византии

Как известно, в основе византийской системы лежат три базовых элемента: римская правовая система, греческая образованность и православие. Но не сразу эти три составные части нашли гармоничное между собой соотношение. В истории бывали случаи, когда эта система ценностей (эта симфония) распадалась и ее элементы входили в конфликт друг с другом. [Васильев, 2000; Кулаковский, 1996; Успенский, 2005; Норвич, 2011].

В «Хронографии» («Летописи») Феофана история Византии представлена как бесконечная борьба за власть различных элитных групп. Успех делает эти элиты известными в истории, тогда как неудачи – стирают их из исторической памяти, не давая им возможности оправдаться за свое поражение. Победители пишут историю. И сам Феофан осознает себя именно как победитель. Он начинает историю Византии с 284 г. и доводит ее до 813 года. Причем его исторический труд является великолепным источником по ранней средневековой элитократии (для исторической герменевтики он представляет особый интерес) [Карабущенко, & Гайнутдинова, 2020]. Это значит, что наряду с изложенными историческим фатами, в нем есть также философские и политологические размышления и выводы, интересные для современной общественной науки (в частности, для исторической и политической элитологии).

Экспертами отмечается, что «в отличие от Георгия Синкелла, Феофану «все ясно», его не посещают сомнения и колебания, он безусловен и катего-

ричен, его версия событий как бы должна молчаливо признаваться единственно справедливой и правильной, однако картина истории, рисуемая Феофаном, типично «средневековая». Средневековому художнику целое всегда представляется в виде суммы деталей, связь между которыми может осуществляться лишь в некоей высшей сфере и не должна выражаться наглядно и зримо. Агиограф или энкомиаст, рисуя образ своего героя, нанизывает на одну нить (по принципу «ожерелья») звенья его подвигов» [Любарский, 1984, стр.87]. Как историк Феофан стремится к достоверности. И это его стремление чувствуется повсюду в его тексте. Даже великие злодеи в его описании не выглядят «историческими тенями» («призраками»), а представлены вполне естественно и достоверно.

В изложении Феофана Исповедника политическая история Византии показана как непрерывная череда борьбы за власть сильных мира сего, которые оспаривают друг у друга право на применение этой силы себе во благо. Но не все победители становились «великими светлыми личностями». Среди победителей были и те, кого он характеризовал негативно. Деление истории на «своих» и чужих», святых и грешников является нормой его политико-религиозного сознания. Как убежденный сторонник почитания икон, Феофан клеймит и позорит всех, кто стоит на стороне иконоборчества. Причем он позволяет в адрес действующих первых лиц такие выражения и характеристики, за которые любого другого историка казнили бы, а его труд предали бы анафеме. Но ему все сходит с рук, поскольку он писал свой труд в период перерыва кампании иконоборчества (787 – 814 гг.), когда ортодоксальное православие стала восстанавливать свои утраченные в годы гонения позиции. Добавить к этому тот факт, что сам Феофан состоял в родственных связях с армянской (Исаврийской/Сирийской) имперской династии, и картина приобретет вполне узнаваемый характер.

В своем труде Феофан особое внимание уделял роли сильной личности в истории римской империи. Именно такие сильные личности, по его мнению, и творили историю Византии. При этом монах Феофан совершенно спокойно (даже как-то по бытовому) описывает жестокости своего века. Но все эти жестокости творились элитами, при молчаливом одобрении или осуждении народных масс.

Роль сильной («светлой») личности в политической истории Византии

Согласно Феофану, политикой управляют великие фигуры, находящиеся на вершине пирамиды власти. Они могут быть как великими деятелями, являющимися примером для подражания для последующих веков, так и ничтожными правителями, оказывающимися позором своего времени. По мнению историка, языческие императоры прославились жестокими гонениями на христиан. Они были конченными злодеями, кровожадными зверями

на царском троне. И этот вынесенный им исторический диагноз, перерос в приговор истории. «В сем году [л. м. 5787, р. х. 287/295][1] – пишет Феофан, – Диоклитиан и Максимиан Геркулий воздвигли великое и страшное гонение на христиан, произвели многие тьмы мучеников, вымышляя неслыханные роды мучений и причиняя великие бедствия; об этом читатель может узнать из осьмикнижия (Осьмикнижия, – о подвигах и хвалах мучеников, – сочинение отдельное от Церковной истории) Церковной истории Евсевия Памфилийского» [Феофан, 1884, стр.7]. Языческие императоры прибегали к откровенному насилию и пролитие крови было угодным для воли их языческих богов. Феофан констатирует: «Все они старались превзойти друг друга гонением на христиан» [Феофан, 1884, стр.10]. Поэтому все они ужаснейшие злодеи ипоругатели нравственности. Они земное воплощение бездны ада. Глядя на них, ты видишь сам ад.

Политическая жизнь того времени это время нескончаемых восстаний и государственных переворотов, время предательств, лжи и разврата. В империи не утихали войны. Грабежи и насилие сопровождали военные действия. Унижая одних и возвеличивая других. Действительность поражала своей жестокостью. Причем не всегда оправданной.

Самого историка при этом больше интересует история христианской церкви. Поэтому он уделяет большое внимание тому, как язычные императоры регулярно устраивали гонения на последователей Христа. «В сем году [л. м. 5795, р. х. 295] изданы были царские повеления разрушать до основания храмы Христовы, божественные книги ожечь, священников и всех христиан предавать мучениям и насильно заставлять приносить жертвы идолам. Это гонение, самое ужаснейшее из всех, произвело бесчисленных мучеников» [Феофан, 1884, стр.9]. Именно из этого складывался авторитет этой новой веры и ковались её моральные и духовные ценности. На примерах первых христианских мучениках основывалась вся дальнейшая агиографическая литература.

Историк весьма тщательно подготавливает читателя к смене настроения в своём историческом повествовании. Речь идет о приходе к власти Константина Великого, при котором христианство стало государственной религией. С него в истории Рима начинается новая историческая эпоха. И начинает он её описание с того, что дает хвалебные комментарии отцу Константина[2], потому что в сознании человека того времени, добрый плод должен произрастать от доброго корня; «…Константий, который, довольствуясь умеренною властью, был очень кроток, в обращении весьма добр и к собиранию сокровищ не жаден, но более желал обогатить своих подданных, притом столько нелюбостяжателен, что давал всенародные праздники, многих друзей своих угощал пиршествами и весьма любим был Галлами, помнившими суровый нрав

1 Последующая датировка событий дана по Феофану с отставанием от официальной датировки на 8 лет.

2 Феофан приписывает арианам распространение лжи о том, что «великого Константина, будто он незаконнорожденный сын» [Феофан, 1884, стр.15-16]. Подобного рода слухи имели цель опорочить великого человека, навести тень сомнения на его благочестивую мать, царицу Елену.

Диоклитиана и кровожадность Максимиана Геркулия. От чего они при Константии совершенно избавились. Он умер в Британии на одиннадцатом году своего правления. Еще при жизни своей Константий провозгласил вместо себя царем старшего своего сына, Константина, в присутствии всего народа и прочих детей... Константин же родился от Елены, первой жены Константия, который был внук императора Клавдия по дочери...» [Феофан, 1884, стр.9].

Константин для него «божественный и христианнейший из Римлян». Он словно магнит притягивал к себе всё самое лучшее и достойное. Некий универсальный «элитизатор»! Другими такими «элитизаторами» стали мученики за веру Христову. Именно они создали славу христианской веры на Земле.

Приход к власти Константина представляется Феофаном как богоугодное дело. В этот исторический миг христианство фактически пришло к власти в римской империи, поскольку стало овладевать умами ее политических лидеров. «В сем году [л. м. 5802, р. х. 302] божественный Константин восстал на истребление тиранов. ЗлочестивыйМаксентий, наведя мост на реке, протекающей через Рим, устроил свое войско против великого Константина. Великий Константин боялся волшебства Максентия, который рассекал младенцев для скверных своих гаданий. Когда он находился в великом недоумении, вдруг явился ему, в шестом часу дня, честный крест, из света устроенный, с надписанием: «Сим побеждай!» Ночью же Господь явился ему и сказал: «При помощи явившегося тебе побеждай!» Тогда Константин, наскоро устроивши златой крест, который и ныне существует, велел носить его пред войском на сражении, в котором ряды Максентия были разбиты, множество воинов пало, а Максентий с остальными бежал, но мост божественною силою обрушился и он потонул в реке, как некогда Фараон, со всем воинством своим, так что река наполнилась лошадьми с захлебнувшимися всадниками. Римские граждане, просившие Константина восстать в помощь их, освободившись от тиранства злого Максентия, усыпали улицы цветами, с радостью приняли победителя с победоносным крестом и прославляли его, как своего спасителя» [Феофан, 1884, стр.11]. Феофан повествует о политической и историческом триумфе Константина. И это торжество есть, по его мнению, торжество великой исторической справедливости[1].

В описании царствования Константина у Феофана меняется даже сама стилистика описания исторических процессов. В 303 г. «Константин, при Божием содействии, овладев Римом, прежде всего приказал собрать остатки святых мучеников и предать их честному погребению. Римляне торжествовали

1 Сам Константин был крещен с сыном своим, Криспом, в Риме папой Сильвестром в 314 г. И ныне жители старого Рима берегут крестильню его, во свидетельство, крещения его в Риме Сильвестром, по истреблении тиранов. Другие говорят, что его крестил на Востоке, в Никомидии, при смерти, арианин Евсевий Никомидийский, где пришлось ему и почить. Уверяют, что он откладывал крещение по той причине, что надеялся совершить его в реке Иордане [Феофан, 1884, стр.14].

победный праздник, восхваляя Господа и животворящий крест его целых семь дней, и величая победителя Константина» [Феофан, 1884, стр.12].

Император немедленно прекратил гонение против христиан, зато сам стал обожествляться всеми христианскими авторами. С этого времени [306 г.] «всехвальный», «благочестивейший», «божественный Константин» «увлекаемый ревностию к Богу», стал совершать одни только Богоугодные дела. В борьбе с языческой тиранией «животворящий крест предшествовал великому Константину» и эта его борьба увенчалась его великой победой. В этой истории мы фактически становимся свидетелями рождения нового типа элиты – богоугодной христианству власти. «С сего времени, по милости Божией, прекратилось на нас гонение со стороны тиранов» [Феофан, 1884, стр.13].

С 310 г. «великий Константин, сделавшись единовластителем всей Римской земли, все влияние обратил на дела божественной веры, воздвигал церкви и любочестиво обогащал их из общественной казны. Он, во-первых, издал закон отдавать идольские храмы служителями Христа. (Сей закон подписал с ним вместе и Крисп, сын его); во-вторых, чтобы одни Христиане принимались в войско и поставлялись правителями народов и войск, а коснеющие в идолопоклонстве наказывались бы смертию; в-третьих, чтобы две пасхальных седмицы были свободны от всяких работ, одна пред праздником воскресенья, а другая после него. Таким образом глубокий мир и тишина водворились во вселенной, и радость овладела верными, когда ежедневно из всех народов прилагались к вере Христовой, крестились и сокрушали отечественных идолов. Царь указал обозначать меру разлития Нила, реки Египетской, в церкви, а не в храме Сераписа, как было обыкновение у Еллинов» [Феофан, 1884, стр.13]. В это время начались гонения теперь уже на самих язычников, века которых теперь определялось как демоническое безумие.

Как ярый монархист Феофан утверждает, что «Константин один овладел Римскою империею, достигло совершенного спокойствия» [Феофан, 1884, стр.15]. Спокойствие в империи могло быть только в одном случае – когда вся полнота власти находится в одних сильных руках. Но эти «сильные руки» должны быть еще умными и нравственно совершенными.

В первый год правления второго епископа Византийского Александра (312 г.) Феофан впервые фиксирует появление среди христиан еретических учений. «В сем году Арий, носящий и имя, сообразное с бешенством, распространял ересь свою в церквах Александрийских и произвел раскол при содействии лукавого, не терпящего видеть мир Церкви… великий Константин с великою горестью узнал о смятении, произведенном Арием, и отправил общее послание к Александру и Арию, советуя им прекратить смуты и помириться между собою. Кроме того, царь послал по делу АрияОсию, епископа Кордубского, в Александрию, а также и на Восток внушить Восточным епископам, чтобы они, следуя старинным обычаям, не праздновали пасхи по-иудейски; но

Осия возвратился, не достигнув ни той, ни другой цели своего посольства» [Феофан, 1884, стр.13-14].

В те времена к политическим событиям присоединялись весьма запутанные семейные отношения правящих элитных семейств. И Феофан постоянно вынужден возвращаться к этим семейно-кровным узам, проясняя ситуацию. Для него принципиальным вопросом является происхождение Константина Великого. Все дело в том, что он был сыном от первой жены своего отца императора Константия, который в 285 г. по воли Диоклитиана и Максимиана Геркулия развелся со своей первой женой Еленой и женился на Феодоре, дочери Максимиан Геркулия. «Царственное родословие его ведется раньше Диоклитиана. Ибо отец его, Константий, был внук по дочери царя Клавдия, и от Елены, первой жены своей, имел сына, Константина великого. У него были и другие дети от Феодоры, дочери Максимиана Геркулия, сестры Максентия, тиранствовавшего в Риме и истребленного Константином при Мильвийском мосту, когда знамение креста явилось ему на небе; эта Феодора была сестра Фавсты, супруги Константина великого. Да не удивится кто либо, что, живя по Эллинским обычаям, отец и сын женились на двух родных сестрах» [Феофан, 1884, стр.15].

В заслугу императора ставится созыв в 316 г. первого вселенского церковного собора. «В сем году совершилось двадцатилетие царствованию Константина Августа, и был святый и вселенский первый собор, состоящий из трехсот восемнадцати отцов, из которых многие были чудотворцы, равноангельные, раны Христовы на теле, носившие от предыдущих гонений, именно: Пафнутий, Спиридон, Макарий и Иаков Нисибийский чудотворцы, воскрешавшие мертвых и сотворившие многие чудеса. На сем святом соборе, бывшем в Никее Вифинской, председательствовали: Макарий Иерусалимский и Александр Александрийский, а из Рима прибыли Вит и Викентий» [Феофан, 1884, стр.16]. Для христианского мира Первый Собор стал исторически значимым событием. Был утвержден не только символ веры, но и осужден первый еретик – Арий. «Когда нечестивый Арий явился в собор и подвергся суду, то сторону его приняли Евсевий Никомидийский, Феогнис, Марис, Наркисс, Феофант и Патрофил, которые составили богохульное слово веры и поднесли собору. Это слово было изорвано и сочинители его, переменив мысли свои, осудили Ария; упорствовали только епископы Секунд из Птоломаиды, Египетского града, и Феона из Мармарики, которые были низложены и прокляты вместе с Арием. После того святой символ веры все подписали с благочестивейшим государем и обнародовала оный, и хвалебными восклицаниями окончился собор. В том же году [316 г.] Крисп, сын царя, умер, как христианин, и начали строить Византию» [Феофан, 1884, стр.16].

Константин Великий стал реформатором не только религиозной, но и политической жизни Римской империи. Он мог обращаться к религиозным авторитетам своего времени и советоваться с ними по волновавшим его

вопросам. Феофан пишет: «Когда Эллинские мудрецы в Византии укоряли царя в том, что он действует не по обычаю Римских царей и вводить новую веру, то он приказал послать одного из сих философов к епископу Александру для состязания. Хотя Александр был человек божественный, но в слове неискусен и потому он сказал опытному в словопрении философу, многоглаголанием страдавшему: «Именем Иисуса Христа, истинного Бога, повелеваю тебе умолкнуть и безмолвствовать»! С сим словом философу заградились уста, и он сделался безгласен. Далее, царь приказал Макарию, епископу Иерусалимскому, присутствовавшему на соборе, чтобы он по возвращении немедленно отыскал место святого воскресения, лобное место (Голгофу) и животворящее древо. В том же году венчал он царским венцом богомудрую мать свою, Елену, и позволил ей, как царице, чеканить свою монету. Она имела видение, в котором ей повелевалось отправиться в Иерусалим и вывести на свет божественные места, закрытые нечестивыми. Потому она просила сына своего, Константина, дозволить исполнить поведенное ей от Бога; он оказал послушание» [Феофан, 1884, стр.18]. Особые почтительные отношения сына и матери стали примером для всех христианских монархов.

Определенный интерес представляет рассказ Феофана об основании Константином новой столицы Римской империи. «Манием божественным движимый, благочестивый Константин желал построить город во имя свое и сначала выбрал было место на поле пред Илионом, выше, могилы Аяксовой, где, говорят, имели пристань для кораблей своих Эллины, воевавшие Трою, но Бог повелел ему в сонном видении построить Константинополь, в Византии. Он обстроил ее великолепными домами, переселил знаменитейших людей из Рима, а также благороднейших из других стран, разместил их и велел жить в этих величественных домах. Тогда же Христолюбивый царь воздвиг храм святой Софии, св. Ирины, Апостолов, св. Мокия и Архангела в Анапле, капища же идольские велел разрушать, а церкви строить. При нем срыли до основания храм Эскулапа в Эгах, Афродиты в Афаках и многие другие; доходы сих капищ предоставлены церквам. В это время многие народы приступили к крещению, побуждаемые чудесами, сотворенными теми из священников» [Феофан, 1884, стр.18]. Выбор места для строительства новой столицы был неслучайным. Это было место прославленной Трои. Местом прославленных древних (архаических) царей имена, которых были на устах у всего просвещенного (эллинского) мира. Это было место триумфальной истории.

Для самого Феофана император Константин сам является вечным триумфом. Его триумфализм основан на единстве политики и веры. И в этом деле неожиданной помощницей ему стала его мать, первая христианская царица Елена. В 317 г. «божественный Константин отправил с сокровищами блаженную Елену для отыскания животворящего креста Господня. Иерусалимский патриарх, Макарий, встретил царицу с подобающею честью и вместе с нею отыскивал желанное животворящее древо, пребывая в тишине и

прилежных молитвах и пощениях. После этого вскоре от Бога указано Макарию место, на котором выстроен быль храм нечистой Афродиты и поставлена ее статуя. Богом венчанная Елена, по царской своей власти, немедленно повелела великому множеству мастеров раскопать до основания и очистить место храма Афродиты, за большие деньги сооруженного в давние времена Элием Адрианом. Тотчас открыты святой гроб и лобное место, а к востоку от них зарыты были вместе три креста, выкапывая кои нашли и гвозди. Никто не знал, который был крест Господень, и это сильно огорчало блаженную Елену; но Макарий не напрасно именуемый епископом разрешил вопрос путем веры. К одной женщине знатного рода, отчаянно больной и полумертвой, Макарий подносил все кресты, и узнал крест Господень. Едва тень его коснулась больной, как бездыханная и неподвижная божественною силою тотчас встала и громким голосом прославила Бога. Благостивейшая Елена со страхом и великою радостью воздвигнув животворящее древо, часть его с гвоздьми, повезла к сыну, другую же, вложив в серебряный ковчег, вручила епископу Макарию, в память будущим поколениям. Тогда же приказала она воздвигнуть церкви на святом гробе, лобном месте, и во имя сына своего там, где обретено животворящее древо; также в Вифлееме и на горе Елеонской, и потом возвратилась к преславному Константину» [Феофан, 1884, стр.19-20].

Феофан особо подчеркивает, что блаженная царица Елена почила в 317 г. в возрасте восьмидесяти лет, и была погребена в Константинопольском храме святых Апостолов, построенном её сыном, став тем самым первой святой Византии [Феофан, 1884, стр.20-21]. Феофан и описывает ее жизнь как жизнь «живой иконы», ставшей примером для подражания для всех последующих поколений правителей. Он относится к этой исторической личности крайне бережно, видя в ней земное воплощение образа Богородицы. Такой идеальный император как Константин, должен иметь такую же идеальную родительницу. Земной царь имеет земную царицу. Но они оба «копии» Небесных Царя и Царицы.

Строительство новой столицы Римской империи стало вторым делом жизни Константина Великого. Феофан уделяет этому вопросу особое внимание. В частности, он сообщает: в 321 г. благочестивый Константин, строя Константинополь, узаконил называть его Новым Римом и приказал быть в нем Сенату; далее, он воздвиг колонну из порфира, поставил на ней свою статую в той части города, откуда начал строить его, т.е. на западной стороне, по направлению к Риму, у ворот, и украсил новую столицу всем, что только мог найти редкого в какой-либо области и городе, как-то: статуями, медью и мрамором» [Феофан, 1884, стр.2й-22]. Все свои земные богатства Константин отдал на украшение своего нового «детища», и оно стало самым прекрасным его творением. Город царей стал самым элитным произведением мировой архитектуры того времени, на века прославив имя своего создателя.

Триумфальное правление Константина Великого стало «золотым веком» для всей Римской империи. В 326 году «с великою пышностью празднуемо было тридцатилетие царствования благочестивейшего и победоносного Константина» [Феофан, 1884, стр.23]. Невиданными темпами возводился на брегах Босфора Новый Рим, упрочилась общими усилиями новая вера. Таким результатам мог позавидовать любой правитель мира.

Согласно Феофану, в 329 г. произошло разделение Римской империи между сыновьями Константина Великого на три части: «по кончине великого и святого Константина, три сына его овладели Римскою империею, именно: на Востоке царствовал Константий, в Галлиях Констант, а в Италии Константин» [Феофан, 1884, стр.27]. Но как для клерикального автора Феофану было важно показать политическую историю на фоне новой истории – истории Церкви. Поэтому, оставляя в стороне политику, он все чаще и чаще начинает обращаться именно к истории церкви, для которой в то время было характерно весьма бурное теологическое брожение, происходившее между догматиками и еретиками в лице все того же арианства.

Сыновья Константина Великого недолго жили в мире и вскоре между ними вспыхнула братоубийственная война. В борьбе за единоначалие, династия начала изнутри сама себя истреблять. В 331 г. «Константин, сын Великого Константина, вторгся в пределы Константа, брата своего, и вступив в сражение, был убит воинами, после чего Констант остался единственным властителем всего Запада. Константий же, царствуя на Востоке …»[Феофан, 1884, стр.27]. Кадровый дефицит власти приводил к тому, что правители начали привлекать к имперскому руководству своих ближайших родственников. В 342 году «Константий, будучи единовластителем, провозгласил племянника своего, Галла, соучастником в правлении и кесарем, дал ему имя Константия и послал его на Восток в Антиохию, на которую напали Персы»[Феофан, 1884, стр.31]. По этой схеме будут в дальнейшем поступать многие византийские правители, желая продлить время правления своей династии.

Оставляя в стороне историческую часть его труда, акцентируем теперь наше внимание на его политической части. «Политическая часть» – это та часть его произведения, которая непосредственно относится к его времени жизни – «Хронография» заканчивается 6305/805 годом.Это время правления Исаврийской (Сирийской) династии (717 – 802 гг.): Лев III Исавр (правил в 717 – 741); Константин VКопроним (741 – 775), сын Льва III; Артавазд (узурпатор: 742 – 743), муж Анны, дочери Льва III; Лев IV Хазар (775 – 780), сын Константина V; Константин VI Слепой (780 – 797), сын Льва IV; Ирина (797 – 802), вдова Льва IV, мать Константина VI. Именно на эти годы и приходится иконоборческая ересь (730 – 787 и 814 – 842 гг.) [Феофан, 1884, стр.298 и далее], свидетелем которой и стал Феофан Исповедник.

Политические «Тени» Византии: элитократия и византийский политический карнавал

Главным критерием в оценке политического деятеля у Феофана служит религиозный фактор – насколько тот или иной правитель был предан делу православия, настолько он был хорошим или плохим. Так основателя Исаврийской династии (717 – 802 гг.) императора Льва III Исавра (717 – 741) он характеризует как узурпатора, поскольку при нем началось в Византии иконоборчество. «Беззаконный царь Леон, беснуясь против православной веры» обольщал представителей церковной элиты «льстивыми словами», сам находясь в «невозвратном заблуждении» [Феофан, 1884, стр.298]. В юности (когда он еще носил имя Конон) он пас овец и начал свой путь восхождения к престолу с того, что в 705 г. во время очередной войны за престол, примкнул к войску свергнутого императора Юстиниана II Ринотмета (685–695 и 705–711), приведя в его лагерь несколько сотен овец для солдат.

Император Лев III подкупал сребролюбивых епископов, которые становились носителями лжи и презрения: «Тиран еще с большим ожесточением продолжал гонение против святых икон, и многие церковники, монахи и благочестивые миряне подверглись опасности и пострадали за слово православной веры, и украсились мученическим венцем» [Феофан, 1884, стр.299]. Неудачи лишь разжигали его ярость: «богопротивник еще более бесновался» [Феофан, 1884, стр.300]. Феофан открыто называет императора тираном и преступником.

Феофан также осуждает императора Льва III за то, что он пошел на союз с Хазарией и в 732 г. женил своего сына Константина на хазарской принцессе Чичак (в православии Ирина, ум.752 г.) – дочери кагана Вирхора: «царь Леон сговорил дочь Хагана, скифского владетеля, за сына своего Константина, обративши ее в христианскую веру, назвал Ириною. Она, научившись божественным писаниям, украшалась благочестием, и обличала их нечестие» [Феофан, 1884, стр.300].

Скверные политики приносят скверные плоды: «Какие бедствия постигли христиан при нечестивом царе Леоне и касательно православной веры, и касательно политического управления, под влиянием его гнусной жадности и корыстолюбия и в Сирии, и в Калабрии, и в Крите, отторжение Италии, – следствие его зловерия, глад, болезни, восстания народов, об этом частью умолчу, а главное уже в предыдущем сказано» [Феофан, 1884, стр.302]. И он по порядку обозревает «беззаконные дела нечестивейшего и со всех сторон несчастного его сына – дела богоненавистные и превышающие всякую злобу». И он рассматривает их злодеяния «со всякою истиною, как пред лицом Бога всевидящего, всенадзирающего и на все смотрящего, будем говорить без излишества для пользы тех, которые и теперь обманываются, и после будут обманываться бедные, неразумные люди в ужаснейшем нечестии беззаконнейшего царя, начиная с десятого индиктиона и первого года его царствования. Этот всегуби-

тельный, безумный, кровожадный, лютейший зверь, обративши власть свою к насильствам и беззаконию, с самого начала отступил от Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, от пречистой и пресвятой Богоматери и от всех святых, предался обману волхвований, невоздержанию и кровавым жертвоприношениям, смотрел на пометы и на мочу лошадей, радовался всем порокам и демонским названиям, и от самого нежного возраста жил во всех душегубительных занятиях» [Феофан, 1884, стр.302].

Демонизация врагов порой приобретает откровенно карнавальный характер. Обожание «своих» и демонизация «чужих» для Феофана норма. И для этого уже в то время активно применялся «черный PR». Так, унизительное прозвище «Копроним» («Навозник» или «Дерьмоименный») императору Константину V (р.718, с 741 по 775 г.) дали его религиозные противники, пустив миф о том, что он якобы младенцем испражнился в купель, тем самым осквернив таинство крещения [Дашков, 1997, стр.132-136]. Сугубо карнавальная политическая история!

Феофан прямо говорит о том, что внутренняя смута в Византии распаляет ее врагов, усиливая их давление на империю [Феофан, 1884, стр.304-305]. При этом сами борющиеся элиты, ослепленные враждой друг к другу, не гнушались обращаться за помощью к своим врагам. Но для самого Феофана в истории важным являются не политические потрясения, а поругания политическими элитами святынь. Именно в этом он видит главное зло своего времени. Отсюда и даваемые им едкие характеристики императоров иконоборчества: «надменный своим высокоумием Константин нечестивый делал многие тайные советы против церкви и православной веры, и в каждом городе хитростью преклонял народ следовать его учению в предисловие как бы совершенного своего нечестия, которое потом оказалось» [Феофан, 1884, стр.313].

Его главная цель не просто демонизировать лидеров иконоборчеств, но и показать их полную ничтожность как личностей. Они не просто еретики, но и откровенные злодеи: патриарх «Анастасий не свято правивший престолом Константинопольским умер душою и телом в ужаснейшей болезни, называемой воспалением кишок: он ртом изблевывал свой помет – казнь достойная за дерзость против Бога своего и учителя» [Феофан, 1884, стр.313]. Сам факт существования подобного рода еретиков есть акт поругания святости. Причем гонения, которые были начаты в адрес ортодоксального православия, породили немало новых святых, принявших мучения ради Истины [Феофан, 1884, стр.317, 321].

Особую жестокость цари Восточного Рима проявляли в адрес представителей поверженных элит. Так, подавляя в 754 г. восстание болгар, царь Константин V в решающем сражении одержал полную победу: «Сражение продолжалось с пятого числа утра до позднего вечера, и великое множество болгар истреблено, многие взяты в плен, иные сами приложились. Царь, восхищенный сею победою, праздновал ее торжественным вшествием в город.

Во всеоружении, со всем войском вступил он в город при радостных криках народа, влача в ручных цепях побежденных болгар, которых потом приказал гражданам перерубить вне златых врат. Телетчина [вождя поверженных болгар] убили сами возмутившееся болгары с прочими его начальниками» [Феофан, 1884, стр.317-318]. Византийские цари упивались своей властью, демонстрируя запредельную жестокость в отношении своих врагов. Так, царь Константин V приказал отдать плененного главаря разбойников Христина своим врачам, для медицинских опытов: «и они еще живого взрезали его от пупа до грудной полости для наблюдения внутреннего устройства человека и наконец предали его сожжению» [Феофан, 1884, стр.320], Одно слово – «просвещенные монархи»!, «просвещенная монархия»!

Если это и был политический карнавал, то очень жестокий!

Испробованными средствами византийской политики являлись переговоры, заговоры, интриги, клятвы, обещания, нарушения обещаний, изгнание, ослепление, яды, казни… Византийское коварство и лицемерие вошли в политическую поговорку.

Феофан фактически ставит знак равенства между язычниками и иконоборцами, не видя в их поведении никакой принципиальной разницы. В жестоких гонениях на православных ортодоксов иконоборцы ничем не отличались от язычников, переняв все их методы и приемы борьбы с инакомыслием. На троне фактически оказались «новые Нероны и Калигулы». Развязанные ими гонения принесли истинной православной церкви сонм новых святых-мучеников. Это политическое безумие Феофан объяснял помрачением разума [Феофан, 1884, стр.320-321]. В описании этих царей Феофан фактически использует лексику карнавальной политической культуры. Для него они «извращенцы», в том плане, что все ставили с ног на голову. Так, император Константин V убеждал церковных иерархов «из монахов перевенчаться, есть мясо и присутствовать за царским столом при песнях и плясках» [Феофан, 1884, стр.320].

Императора Константина V Феофан прямо называет «тираном», при котором поругания святости достигли своего апогея [Феофан, 1884, стр.324]. При этом чинимые императором зверства проходили на фоне устроенного им «вечного пира»: «Других сажал в мешки, и привязавши к ним каменья, приказывал бросать в море, ослеплял, отрезывал носы, терзал бичами и вымышлял все роды казней на благочестивых; в самом городе он делал это и сам и чрез единомышленников своих, Антония патриция и начальника военных школ, чрез Петра магистра и посредством войска к этому приученного, а в провинциях посредством вышеупомянутых военачальников. Сам между тем забавлялся музыкою, пиршествами, сквернословием и пляскою вместе с своими приближенными, и если кто, упавши, или чувствуя боль, произносил обычные христианам слова» [Феофан, 1884, стр.325]. Феофан описывает царское безумие страхом за собственную жизнь: император «смертью казнил всех знатных,

особенно в войске и при высших должностях, кои были приближены к нему, и разделяли с ним распутства его и все студодеяния, а потом обращались к строгости монашеской жизни, — он боялся стыда для себя от их нескромной откровенности…» [Феофан, 1884, стр.325]. Уничтожая всех свидетелей своего позора, император пытался успокоить свою «грязную» совесть.

Особому гонению подвергались монастыри. В империи фактически началась секуляризация монастырской собственности и гонение на монахов. Феофан описывает действие одного из царских наместников, который прославился гонениями на монахов. «Книги монашеские и патерики (жизнеописания отцов) [Леон Кулуку] предал огню, и у кого находились святые мощи и те предал огню, а хранившего их казнил. Многих монахов умертвил ударами бичей, и даже мечом, и бесчисленное множество ослепил; у некоторых обмазывал бороду спуском воска и масла, подпускал огонь и таким образом обжигал лица их и головы; иных после многих мучений отсылал в изгнание и наконец в области своей не оставил никого, кто бы носил монашеское платье» [Феофан, 1884, стр.326-327]. Феофан не может простить иконоборцам поругание святой церкви. Поэтому они для него навсегда останутся слугами дьявола, служителями ада.

В политической культурной традиции Византии политическая хитрость граничила с банальным циничным обманом. Феофан приводит историю войны Византии с болгарами, когда император Константин V, заключив с ними мир, затем коварно их обманул и, напав на ничего не подозревающего соседа, одержал великую победу: «Пришедши в местечко Лифосорию, без звука военных грубо напал на них, обратил в бегство и одержал великую победу. С великою добычею и со множеством пленных он с триумфом возвратился в город, и во всем блеске вошедши, называл эту войну благородною, потому что никто не сопротивлялся ему, не пролито христианской крови и не убито ни одного воина» [Феофан, 1884, стр.329]. Болгары платили им тем же, применяя против царей их же приемы и методы ведения борьбы. И весьма часто византийские хитрецы попадались в не менее хитроумные ловушки своих противников.

По мнению Феофана, Божий гнев настигал и карал безбожных царей «римской земли». Так, сын Константина V император Лев IV Хазар (775 – 780) прославился своим святотатством и вскоре умер от жадности к драгоценностям: «величайший любитель драгоценных камней, он похитил венец из великой церкви и носил его. Карбункулы покрыли его голову; он впал в жестокую горячку и умер на пятом году своего царствования…» [Феофан, 1884, стр.333]. Его вдове царице Ирине Афинской (ок.753 – 803) пришлось железной рукой наводить порядок среди придворной знати, которая при малолетнем императоре Константине VI Слепом (780 – 797) осмелела настолько, что стала регулярно устраивать заговоры и плести интриги. Дело дошло до того, что придворным удалось стравить сына и мать, убедив их в том, что они якобы

ненавидят друг друга [Феофан, 1884, стр. 341].Именно царица Ирина в 787 г. прекратила иконоборческую ересь и возвратилась в лоно православной церкви [Феофан, 1884, стр.337-338].

Геополитические интересы заставляли царскую династию Византии заключать выгодные браки с влиятельными местными царями. В этом плане прагматизм брал верх над престижем. Так, в 781 г. вдовствующая царица Ирина, «разорвавши сделку с Франциею, послала Феофана, первого оруженосца, и взяла невесту из армянок по имени Марию из дома Амния и соединила ее браком с царем Константином, сыном своим, хотя он очень печалился, и не желал сего по привычке своей к дочери Карла, короля французского, с которою был обручен, и совершили брак его в ноябре месяце» [Феофан, 1884, стр.341]. Но стоило новой армянской родне вмешаться в придворные интриги, как они немедленно стали жертвами суровой имперской расправы. Такая опрометчивая политика привела армянскую династию к войне с самими армянами, завершившейся их полным разгромом [Феофан, 1884, стр.344-345]. Более того, через пару лет император по наущению своей матери сослал свою жену Марию в монастырь [Феофан, 1884, стр.345].

Плести интриги и заговоры против самых близких тебе людей было в традиции византийской правящей элиты, У Феофана мы можем найти и такую скверную историю: «В сем году [6289/789] царь [Константин VI] с матерью своею [царицей Ириной] отправился в Грузию пользоваться теплыми водами; а 7 октября, 5 индиктиона, родился у него сын, которого назвали Леоном. Царь, получив о том известие, оставил мать на теплых водах со всею царскою свитою и с чиновниками, а сам на быстром корабле возвратился в город. Пользуясь сим случаем, его мать переговорила с начальниками легионов и склонила их дарами и обещаниями низвергнуть сына ее и сделать ее единодержавною; иных она сама улестила, других чрез своих приближенных, и всех привлекши на свою сторону, выжидала только благоприятного дня к совершению своих замыслов» [Феофан, 1884, стр.345]. Коварство считалась, чуть ли не главной добродетелью правящей элиты. Быть коварным, было равным тому, как быть успешным, быть победителем.

Феофан отмечает, что царская вспыльчивость и неосмотрительность часто приводили к серьезным военным катастрофам. Так, во время очередной греко-болгарской войны юный император в 6284/784 г. Константин VI не внял советам своих старших советников и опрометчиво повел свои легионы на верную погибель: «Царь по юношеской пылкости и обманутый лжегадателями, – сообщает Феофан, –что победа ему принадлежит, неосторожно и не устроившись, вступил в сражение и претерпел сильное поражение. Как беглец он возвратился в город, потерявши многих не только из простых воинов, но из людей правительственных, в том числе Михаила магистра Лаханодракона, Варду патриция, Стефана первого оруженосца, Хамея, Никиту и Феогноста, которые были военачальниками, и немалое число придворных, и Панкратия

лжегадателя и астронома, который предсказал ему победу. Враги овладели обозом, деньгами, конями, шатром со всею царскою прислугою» [Феофан, 1884, стр.344]. Феофаном формулируется базовый закон войны: победоносная война приносит обогащение, тогда как поражение – несет разорение. В этом режиме и жили, и пытались выжить все византийские правители.

Феофан описывает уникальный в мировой политической истории случай – борьба матери с родным сыном за власть. В 789 г. [6289/789 – датировка Феофана] Константин VI пошел в поход против арабов [аравитян], поведя войско, в котором в качестве «гвардии» было два легиона (20 тысяч), «принадлежащих» его матери [Феофан, 1884, стр.345-346]. Пикантность ситуации заключалась в том, что взятая им в поход византийская аристократия желала своему царю не победы, а поражения: находящийся при этой армии патриций «Ставракий и его соумышленники, видя мужество войска и самого царя, боялись, чтоб он не одержал победы; тогда и не успели б они в злоумышлении своем; и потому, задаривши стражу, заставили ее солгать, будто сарацины бежали. Царь, огорчившись сею неудачею, возвратился в город; а 1-го мая умер сын его Леон и он горько оплакивал его» [Феофан, 1884, стр.346]. Борьба за власть царицы Ирины Афинской и царя Константин VI напоминала собой карнавальный балаган – когда участники борьбы пугают друг друга различного рода страшилками. Все кончилось для сына весьма печально: «Они [сторонники царицы-матери] убоявшись, схватили его [Константина VI] во время молитвы, и посадивши в ладью, прибыли в город рано по утру 15 числа того же месяца и заключили его в порфирной зале, а в девятом часу страшно и безжалостно выкололи ему глаза по воле матери его и советников ее, что он едва-едва не умер. Солнце помрачилось на 17 дней и не давало лучей своих; корабли во мраке плавали наудачу; все говорили и сознавались, что солнце утратило свои лучи за ослепление царя. Таким образом его мать сделалась единовластною» [Феофан, 1884, стр.346]. Авторитарная личность царицы Ирины не терпела никакой конкуренции, даже если это ее собственный сын!

Поэтому не удивительно, что в 802 г. византийская знать во главе с патрицием Никифором совершила государственный переворот и свергла надоевшую уже всем царицу Ирину и отправила ее в ссылку на остров Лесбос, где она через год и умерла [Феофан, 1884, стр.349-350].

Византийское коварство давно уже вошло в поговорку. И никого из византийских правителей, судя по всему, не мучила совесть. Проявленная ими жесткость в отношении своих политических противников, считалась нормой. То, что делали они в отношении своих врагов, их враги могли сделать с ними сами же, окажись они победителями. Пытаясь разобраться в психологии поведения таких исторических персонажей, мы понимаем насколько противоречивыми были эти политические фигуры. Насколько такие понятия, как «политика» и «этика» были несовместимыми.

Характеризуя императора Никифора I Геника (802 – 811) Феофан отмечает, что он «никогда ни в чем не сохранивший истины», был настолько лицемерен, что верить ему были ни в коем случае нельзя. Описывая характер этого правителя, Феофан прибегает преимущественно к карнавальной политической лексики: «Кроме прочих беззаконий он имел это особенное свойство души, которым и прежде царствования обманул многих. Но тем смешнее был он в глазах людей, которые точно знали дело, и он в продолжении семи дней не мог никуда выйти с ненавистным своим лицом, омраченным всегда непроницаемою личиною бесстыдства, но притворно плакал, в своей царской опочивальне; слезы у него по женоподобному свойству всегда были готовы, как обыкновенно бывает у людей худых, но притворно добрых. Но от народа это не скрылось». [Феофан, 1884, стр.353-354] Иными словами, император Никифор оказался плохим политическим актером – многие поняли, что он просто лицемерная историческая персона.

О самом Никифоре историк приводит следующий анекдот: «Для смеха и для примера можно вспомнить и о следующем: один продавец воска на площади трудами своими приобрел не скудное состояние. Ненасытный призвавши его говорил положи руку свою на мою голову и клянись мне, сколько у тебя золота; тот, как недостойный этой чести, извинялся, наконец принужден был это сделать, и сказал, что он имеет сто литров. Эти деньги приказал он принести в час и сказал: какая тебе нужда беспокоиться? Пообедай со мною, возьми сто монет, и с миром отправляйся». Феофан, 1884, стр.359] Собирая подлобного рода «истории», Феофан стремился подчеркнуть комичность этой власти, которая, по его мнению, не может быть угодна Богу. Он понимает смехотворность таких историй. Но именно их количество помогает ему оценивать политику в целом.

И еще один исторический сюжет, имеющий непосредственное отношение к автору «Хронографии». Судьба гонителя Феофана Исповедника византийского императора Льва V Армянина (813 – 820) была трагичной. 25 декабря 820 г. во время рождественской службы в соборе св. Софии Лев был убит в результате государственного переворота Михаила Аморианина, которого он приговорил к смертной казни (сожжению на костре). Его труп был презрительно брошен в общественной уборной и валялся там до тех пор, пока его вдова императрица Феодосия не забрала его для погребения. (Продолжатель Феофана. «Жизнеописания византийских царей», Книга I. Лев V). Новый император Михаил II Травл («Косноязычный») (820 – 829) сослал ее и четырех сыновей Льва V на Принцевы острова в Мраморном море. Но перед этим все четверо сыновей императора были кастрированы. Причем кастрация была сделана настолько жестоко, что младший сын Феодосий скончался во время этой процедуры (Продолжатель Феофана. 40-41,7) [Продолжатель Феофана. 2009]. Таков печальный итог этой истории. Но в этой истории угадывается суть всей трагической истории Византии…

Как видим, от величия до позора в истории Византии всего лишь один шаг…

Заключение

Феофан Исповедник занимает особое место в истории Византии. Он не просто участник иконоборческого сопротивления, но и первый ее историограф. Сам образ элиты в его произведении имеет сложную внутреннюю структуру и весьма пеструю (яркую) форму. Описываемые им исторические личности внутренне сложны и противоречивы. Последнее делает их «живыми», а не формальными или шаблонными историческими «тенями». Порой его текст по накалу политических событий напоминает шекспировские исторические хроники. При этом Феофан как историк не демонстрирует свободный полет своей фантазии и воздерживается от откровенных спекулятивных суждений.

Из «Хронографии» Феофана Исповедника можно сделать несколько важных для политической элитологии выводов:

(1) Внутренняя прочность структуры элиты – залог стабильности самого государства. Разрушая ее, власти разрушают столпы своей государственности в целом. Не всегда они это понимают, поэтому часто действуют себе во вред неосознанно, толкаемые своей эгоистической мотивацией и не вполне четкими внутриклановыми интересами.

(2) Чрезмерная конкуренция и недоговороспособность внутри элитных группировок (кланов) приводят ее к саморазрушению. Внутри элиты должен быть внутренний консенсус, а между кланами существовать равноправный конструктивный диалог.

(3) Во времена своего могущества власти думают только об экспансии, тогда как им следовало бы озаботиться об обороне в грядущем будущем, когда иссякнут их силы и пустить на это избыток своей мощи. Не думающие о завтрашнем дне элиты, обречены на историческое забвение.

(4) Циклы развития империи подчинены ритмам попеременного порядка и хаоса. В первом случае элитам удается обуздать стихию распада, во втором – они сами оказываются бессильными жертвами куда более могущественных обстоятельств,

(5) Зависть элит соседних держав-конкурентов культурно-политическим достижениям Византии, порождала византофобию, которая постепенно демонизировала империю, заманивая ее в капкан истории. Византия стала жертвой целенаправленной клеветы латинского Запада и ненависти арабо-тюркского мира. Арабский натиск ослабил империю; латинская ложь ее обманула, а тюркская экспансия ее окончательно добила.

(6) Беспринципность элиты является главной внутренней угрозой власти. Если элиты слишком часто клянутся и сами же переступают через свои клятвы, тот тем самым они отрекаются от Бога, перед которым приносили эти

свои клятвы [Феофан, 1884, стр.342-343]. Феофан понимал это как проявление «хитрости лукавого», ведущего разными путями к погибели род человеческий.

(7) Для авторитарных личностей власть является абсолютной ценностью, и ради нее кровнородственные отношения могут быть принесены в жертву (пример – борьба за власть царицы-матери Ирины и императора-сына Константина VI) [Феофан, 1884, стр.345-346].

(8) Внутренняя смута есть своего рода помрачение ума. И Феофан прямо об этом пишет: «многие в отчуждении ума изрыгали богохулия». [Феофан, 1884, стр.358] «Отчуждение ума» главное условие для самой страшной войны – гражданской. И управляет этой войной «закон тотальной лжи»: все начинают друг другу безудержно лгать и не доверять.

(9) Общий политологический вывод из «Хронографии» Феофана Исповедника следующий: во времена славы и могущества власти Византии не знают меры в гонениях и в истреблении своей элиты, но зато тогда, когда нужно было сконцентрировать все силы и собрать все ресурсы, для отражения глобального вызова, у ее правящей элиты не хватало ни воли, ни совести, чтобы сделать это…

«Хронография» Феофана Исповедника весьма интересна для герменевтического разбора и дешифровки. Она имеет глубину текстового смысла и согласуется как с культурно-историческим контекстом, так и с политическим подтекстом. А если взять во внимание, что от его исторического времени до нас практически не дошло больше столь фундаментальных работ, труд Феофана приобретает и вовсе уникальный характер.

Список литературы

Васильев А.А. Эпоха династии Ираклия (610–717) // История Византийской империи. В 2 тт. Т. 1. М.: Алетейя, 2000.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М.: Издательский дом «Красная площадь», 1997.

Карабущенко П.Л., Гайнутдинова Е.В. Политическая герменевтика и современная элитократия // Вопросы философии. 2020. №4. С. 58–68. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-58-68

Кулаковский Ю.А. История Византии в 3 томах. Т. 3. СПб.: Алетейя, 1996. 552 с.

Любарский Я.Н. Феофан Исповедник и источники его «Хронографии» (К вопросу о методах их освоения) // Византийский временник. 1984. Т. 45 (70). С. 73–87.

Норвич Д. История Византии. История Венецианской республики: пер. с англ. Дж. Норвич. М.: АСТ: Астрель, 2011. 957 с.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подготовил Я.Н. Любарский. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 2. М.: АСТ, Астрель, 2005. 558 с.

Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Перевод с греч. В.И. Оболенский, Ф.А. Терновский. М.: Университетская типография (М. Катков), 1884. = Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания / изд. подготовил А.И. Цепков. Рязань: Александрия, 2005. (Византийская историческая библиотека). С. 7–434.

References

Dashkov S.B. Emperors of Byzantium. Moscow: Krasnaya Ploshchad Publishing House, 1997 (in Russian).

Karabushchenko P.L., Gaynutdinova E.V. Political Hermeneutics and Contemporary Elitocracy // Voprosy Filosofii. 2020. No. 4. Pp. 58–68. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-58-68 (in Russian).

Kulakovsky Yu.A. History of Byzantium in 3 Volumes. Vol. 3. Saint Petersburg: Aletheia, 1996. 552 p. (in Russian).

Lyubarsky Ya.N. Theophanes the Confessor and the Sources of His “Chronography” (On the Methods of Their Study) // Vizantiiskii Vremennik. 1984. Vol. 45 (70). Pp. 73–87 (in Russian).

Norwich D. History of Byzantium. History of the Venetian Republic. Moscow: AST: Astrel, 2011. 957 p. (in Russian).

Theophanes. Chronicle of the Byzantine Theophanes from Diocletian to Emperors Michael and His Son Theophylact. Moscow: University Typography (M. Katkov), 1884. = Theophanes the Byzantine. Chronicle from Diocletian to Emperors Michael and His Son Theophylact. Priscus of Panium. Tales / Edited by A.I. Tsepkov. Ryazan: Alexandria, 2005. (Byzantine Historical Library). Pp. 7–434 (in Russian).

Theophanes’ Continuator. Lives of the Byzantine Emperors / Edited by Ya.N. Lyubarsky. 2nd ed. Saint Petersburg: Aletheia, 2009. 400 p. (in Russian).

Uspensky F.I. History of the Byzantine Empire. In 5 vols. Vol. 2. Moscow: AST, Astrel, 2005. 558 p. (in Russian).

Vasiliev A.A. The Era of the Heraclian Dynasty (610–717) // History of the Byzantine Empire. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Aletheia, 2000 (in Russian).